

ЕВГЕНИЙ ТАРЛЕ

АДМИРАЛ
НАХИМОВ

Русская история (Алгоритм)

Евгений Тарле

Адмирал Нахимов

«Алисторус»

1942

УДК 82-94:355.49

ББК 68.53(2)-8Нахимов П. С.

Тарле Е. В.

Адмирал Нахимов / Е. В. Тарле — «Алисторус»,
1942 — (Русская история (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-452-5

Академик Евгений Тарле (1874-1955) - крупнейший российский военный историк. Эта книга академика посвящена жизни и подвигам великого флотоводца, национального героя России адмирала Павла Нахимова (1802-1855). Книга создана на основе архивных материалов. Историк глубоко разбирался в хитросплетениях международной политики XIX века, Для Тарле Нахимов - герой без страха и упрека, воплощение лучших качеств русского человека, честно и мужественно жертвующего своей жизнью за честь и достоинство родной страны. В этом жизнеописании судьба великого адмирала воссоздана шаг за шагом. Также в издании представлены материалы, посвященные жизни и творчеству Е. В. Тарле. Классическая книга адресована всем, кто интересуется военной историей, историей России. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94:355.49

ББК 68.53(2)-8Нахимов П. С.

ISBN 978-5-00269-452-5

© Тарле Е. В., 1942

© Алисторус, 1942

Содержание

Адмирал Нахимов	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Евгений Тарле
Адмирал Нахимов

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Серия «Русская история»

© ООО «Издательство Родина», 2026.

Евгений Тарле

Адмирал Нахимов

Глава 1

Павел Степанович Нахимов родился в 1802 году в семье небогатых смоленских дворян. Отец его был офицером и еще при Екатерине вышел в отставку со скромным чином секунд-майора.

Еще не окончились детские годы Нахимова, как он был зачислен в Морской кадетский корпус. Учился он блестяще и уже пятнадцати лет от роду получил чин мичмана и назначение на бриг «Феникс», отправлявшийся в плавание по Балтийскому морю.

И уже тут обнаружилась любопытная черта нахимовской натуры, сразу обратившая на себя внимание его товарищей, а потом сослуживцев и подчиненных. Эта черта, замеченная окружающими уже в пятнадцатилетнем гардемарине, оставалась господствующей и в седеющем адмирале вплоть до того момента, когда французская пуля пробила ему голову. Охарактеризовать эту черту можно так: морская служба была для Нахимова не важнейшим делом жизни, каким она была, например, для его учителя Лазарева или для его товарищей Корнилова и Истомина, а единственным делом, иначе говоря: никакой жизни, помимо морской службы, он не знал и знать не хотел и просто отказывался признавать для себя возможность существования не на военном корабле или не в военном порту. За недосугом и за слишком большой поглощенностью морскими интересами он забыл влюбиться, забыл жениться. Он был фанатиком морского дела, по единодушным отзывам очевидцев и наблюдателей.

Усердие, или, лучше сказать, рвение к исполнению своей службы во всем, что касалось морского ремесла, доходило в нем до фанатизма, и он с восторгом принял приглашение М. П. Лазарева служить у него на фрегате, названном новым тогда именем «Крейсер».

Адмирал Павел Нахимов

Три года плавал он на этом фрегате, сначала в качестве мичмана, а с 22 марта 1822 года в качестве лейтенанта, и здесь-то и сделался одним из любимых учеников и последователей Лазарева. После трехлетнего кругосветного плавания с фрегата «Крейсер» Нахимов перешел (все под начальством Лазарева) в 1826 году на корабль «Азов», на котором и принял выдающееся участие в Наваринском морском бою в 1827 году против турецкого флота. Из всей соединенной эскадры Англии, Франции и России ближе всех подошел к неприятелю «Азов», и во флоте говорили, что «Азов» громил турок с расстояния не пушечного выстрела, а писто-

летного выстрела. Нахимов был ранен. Убитых и раненых на «Азове» было в наваринский день больше, чем на каком-либо ином корабле трех эскадр, но и вреда неприятелю «Азов» причинил больше, чем наилучшие фрегаты командовавшего соединенной эскадрой английского адмирала Кодрингтона.

Так начал Нахимов свое боевое поприще.

Вот что говорит об этих первых блистательных шагах Нахимова близко наблюдавший моряк-современник:

«В Наваринском сражении он получил за храбрость георгиевский крест и чин капитан-лейтенанта. Во время сражения мы все любовались „Азовом“ и его отчетливыми маневрами, когда он подходил к неприятелю на пистолетный выстрел. Вскоре после сражения я видел Нахимова командиром призового корвета „Наварин“, вооруженного им в Мальте со всевозможной морской роскошью и щегольством, на удивление англичан, знатоков морского дела. В глазах наших... он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает больше их, а потому исполняли тяжелую работу без ропота и с уверенностью, что следует им или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто».

Двадцати девяти лет от роду он стал командиром только что выстроенного тогда (в 1832 году) фрегата «Паллада», а в 1836 году командиром «Силистрии» и, спустя несколько месяцев, произведен в капитаны 1-го ранга. «Силистрия» плавала в Черном море, и корабль выполнил за девять лет своего плавания под флагом Нахимова ряд трудных и ответственных поручений.

Лазарев безгранично доверял своему ученику. В 1845 году Нахимов был произведен в контр-адмиралы, и Лазарев сделал его командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. Его моральное влияние на весь Черноморский флот было в эти годы так огромно, что могло сравниться с влиянием самого Лазарева. Дни и ночи он отдавал службе: то выходил в море, то стоял на Графской пристани в Севастополе, зорко осматривая все входящие в гавань и выходящие из гавани суда. По единодушным записям очевидцев и современников, от него решительно ничто не ускользало, и его замечаний и выговоров боялись все, начиная с матросов и кончая седыми адмиралами, которым Нахимов вовсе не имел ни малейшего права делать замечания по той простой причине, что они были чином выше его. Но Нахимов этим обстоятельством решительно никогда не затруднялся. На пристани, на море была его служба, там же были и все его удовольствия. Денег у него водилось всегда очень мало, потому что каждый лишний рубль он отдавал матросам и их семьям, а лишними рублями у него назывались те, которые оставались после оплаты квартиры в Севастополе и расходов на стол, тоже не очень отличавшийся от боцманского.

На службу в мирное время он смотрел только как на подготовку к войне, к бою, к тому моменту, когда человек должен полностью проявить все свои моральные силы. Еще во время кругосветного плавания лейтенант Нахимов однажды чуть не погиб, спасая упавшего в море матроса; в 1842 году командир «Силистрии» Нахимов бросился без всякой нужды в самое опасное место, когда на «Силистрию» наскочил корабль «Адрианополь». А когда офицеры недоумевали, зачем он так дразнит судьбу, Нахимов отвечал: «В мирное время такие случаи редки, и командир должен ими воспользоваться. Команда должна видеть присутствие духа в своем командире: ведь, может быть, мне придется идти с ней в сражение».

Ведя себя так и высказывая такие мысли, Нахимов шел по стопам своего учителя и начальника Михаила Петровича Лазарева, главного командира Черноморского флота.

М. П. Лазарев создал в морском ведомстве того времени свою особую школу, свою традицию, свое направление, ровно ничего общего не имевшие с господствовавшим в остальном флоте, и его ученики – Корнилов, Нахимов, Истомин – продолжили и упрочили эту традицию. Лазарев требовал от своих офицеров моральной высоты, о которой николаевский командный

состав в своей массе никогда и не помышлял. Он требовал такого обращения с матросами, которое готовило бы из них дееспособных воинов, а не игрушечных солдатиков для забавы «высочайших» лиц на смотрах и парадах: телесное наказание, царившее тогда во всех флотах (и додержавшееся в английском флоте до мировой войны), не было отменено и лазаревской школой, но оно стало на черноморских судах редкостью. Внешнее чинопочитание было на судах, управляемых лазаревскими учениками, сведено к минимуму; и сухопутные офицеры в Севастополе жаловались, что адмирал Нахимов разрушает дисциплину. Лазарев, Нахимов, Корнилов воспитывали в матросах сознательную любовь к России и успели воспитать желание и умение бороться за нее, защищать ее.

Но и в этой лазаревской школе моряков Нахимов занял особое место. Был он необыкновенный добряк по натуре – это во-первых; а во-вторых, как уже сказано, он был в полном смысле слова фанатиком морской службы: он не имел ни в молодости, ни в зрелом возрасте семьи, не имел «сухопутных» друзей, не имел никаких привязанностей, кроме как на кораблях и около кораблей, потому что для него Севастополь, Петербург, Лондон, Архангельск, Рио-де-Жанейро, Сан-Франциско, Сухум-Кале были не города, а лишь якорные стоянки. Все эти его свойства сделали то, что на матросов он стал смотреть как на свою единственную, правда большую, семью.

Когда он, начальник порта, адмирал, командир больших эскадр, выходил на Графскую пристань в Севастополе, там происходили любопытные сцены, одну из которых со слов очевидца, князя Путятина, передает лейтенант П. П. Белавенец. Утром Нахимов приходит на пристань. Там, сняв шапки, уже ожидают адмирала старики, отставные матросы, женщины и дети – все обитатели Южной бухты из севастопольской матросской слободки. Увидев своего любимца, эта ватага мигом, безбоязненно, но с глубочайшим почтением окружает его, и, перебивая друг друга, все разом обращаются к нему с просьбами... «Постойте, постойте-с, – говорит адмирал, – всем разом можно только „ура“ кричать, а не просьбы высказывать. Я ничего не пойму-с. Старик, надень шапку и говори, что тебе надо».

Старый матрос, на деревянной ноге и с костылями в руке, привел с собой двух маленьких девочек, своих внучек, и прошамкал, что он с малютками одинок, хата его продырявилась, а починить некому. Нахимов обращается к адъютанту: «...Прислать к Позднякову двух плотников, пусть они ему помогают». Старик, которого Нахимов вдруг назвал по фамилии, спрашивает: «А вы, наш милостивец, разве меня помните?» – «Как не помнить лучшего маляра и плясуна на корабле „Три святителя“...» «А тебе что надо?» – обращается Нахимов к старухе. Оказывается, она, вдова мастера из рабочего экипажа, голодает. «Дать ей пять рублей!» – «Денег нет, Павел Степанович!» – отвечает адъютант, заведовавший деньгами, бельем и всем хозяйством Нахимова. «Как денег нет? Отчего нет-с?» – «Да все уже прожиты и розданы!» – «Ну, дайте пока из своих». Но у адъютанта тоже нет таких денег. Пять рублей, да еще в провинции, были тогда очень крупной суммой. Тогда Нахимов обращается к мичманам и офицерам, подошедшим к окружающей его толпе: «Господа, дайте мне кто-нибудь займы пять рублей!» И старуха получает ассигнованную ей сумму. Нахимов брал в долг в счет своего жалованья за будущий месяц и раздавал направо и налево. Этой его манерой иногда и злоупотребляли. Но, по воззрениям Нахимова, всякий матрос уже в силу своего звания имел право на его кошелёк.

Нахимов настойчиво старался внушить подчиненным ему офицерам те идеи, которыми сам он был одушевлен и которые не походили на общепринятые тогда в этой среде воззрения. «Мало того что служба представится нам в другом виде, – говорил Нахимов, – да сами-то мы совсем другое значение получим на службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всеми. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что нет у него ничего общего со своими подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень важно. Офицеры, глубоко презирующие сближение со своими соотечественниками – простолюдинами, не найдут должного тона.

А вы думаете, что матрос не заметит этого? Заметит лучше, чем наш брат! Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее уже их дело. А каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверно знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать. Страх подчас хорошее дело, да согласитесь, что не натуральная вещь – несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу-с, тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи; своих презирают, чужому завидуют, своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится!»

Для Нахимова не подлежало сомнению, что классовое чванство офицеров – гибельное дело для службы, и он это открыто высказывал: «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми!» И снова и снова он повторяет свою излюбленную мысль:

«Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля; матрос бросится на abordаж, если понадобится. Все сделает матрос, если мы, начальники, не будем эгоистичны, ежели не будем смотреть на службу как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных – как на ступени для собственного возвышения.

Матросы – основная военная сила флота. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, ежели мы не себялюбивы, а действительные слуги Отечества».

Нахимов вспоминает знаменитую победу Нельсона над французским и испанским флотом 21 октября 1805 года. «Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр – вздор-с! Весь маневр Нельсона заключался в том, что он знал слабость неприятеля и свою силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолюдинах, которые были воспитаны им и его предшественниками. Вот это-то воспитание и составляет основную задачу; вот чему я посвятил себя, для чего тружусь неусыпно и, видимо, достигаю своей цели: матросы любят и понимают меня. Я этою привязанностью дорожу больше чем отзывом чванных дворянчиков-с! У многих командиров служба не клеится на судах оттого, что они неверно понимают значение дворянина и презирают матросов, забывая, что у мужиков есть ум, душа и сердце, так же как у всякого другого».

Нахимов просто отказывался понять, что у морского офицера может быть еще какой-нибудь интерес, кроме службы. Он говорил, что необходимо, чтобы матросы и офицеры постоянно были заняты, что праздность на судне не допускается, что ежели на корабле работы идут хорошо, то нужно придумывать новые... Офицеры тоже должны быть постоянно заняты. Есть свободное время – пусть занимаются с матросами обучением грамоте или пишут за них письма на родину. Ухтомский, начинавший службу под начальством Нахимова, передает еще: «Все ваше время и все ваши средства должны принадлежать службе, – ораторствовал Павел Степанович. – Например, зачем мичману жалованье? Разве только затем, чтобы лучше выкрасить и отделать вверенную ему шлюпку или при удачной шлюпочной гонке дать гребцам по чарке водки, – иначе офицер от праздности или будет пьянствовать, или станет картежником, или будет развратничать, а ежели вы и от природы ленивы, сибариты, то лучше выходите в отставку». Тратя все свое адмиральское жалованье не на себя, а на корабль и на матросов, Нахимов искренне не понимал, почему бы и мичману не делать того же.

Замечательно, что близко наблюдавшие Нахимова не могли говорить впоследствии ни о Синопе, ни о Севастополе, не подчеркивая огромного значения личного влияния адмирала на свою команду, объясняя именно этим его успех. Вот одно из подобных высказываний:

«Синоп, поразивший Европу совершенством нашего флота, оправдал многолетний образовательный труд адмирала М. П. Лазарева и выставил блестящие военные дарования адмирала П. С. Нахимова, который, понимая черноморцев и силу своих кораблей, умел управлять ими. Нахимов был типом моряка-воина, личность вполне идеальная... Доброе, пылкое сердце, светлый, пытливый ум, необыкновенная скромность в заявлении своих заслуг. Он умел говорить с матросом по душе, называя каждого из них при объяснении другом, и был действительно для них другом. Преданность и любовь к нему матросов не знали границ. Всякий, кто был на севастопольских бастионах, помнит необыкновенный энтузиазм людей при ежедневных появлениях адмирала на батареях. Истомленные донельзя, матросы, а с ними и солдаты воскресали при виде своего любимца и с новой силой готовы были творить и творили чудеса. Это секрет, которым владели немногие, только избранники, и который составляет душу войны... Лазарев поставил его образцом для черноморцев».

Наступил 1853 год. Надвинулись сразу навеки памятные грозные события мировой истории – Нахимов со своими матросами оказался на посту.

Глава 2

Черные тучи сгустились катастрофически быстро и обложили со всех сторон политический горизонт. Начинается война с Турцией; позиция Наполеона III и Пальмерстона делается все более угрожающей. И в Петербурге понемногу крепнет сознание, что живые опасения наместника Кавказа князя М. С. Воронцова имеют реальнейшее основание и отнюдь не объясняются только старостью умного и лукавого Михаила Семеновича. Если турки, а за ними французы и англичане в самом деле подадут вовремя существенную помощь Шамилю, то Кавказ для России будет потерян и попадет в руки союзников. Нужного количества войск на Кавказе нет – это одно. А другое: турецкая эскадра снабжает восточное Кавказское побережье оружием и боеприпасами. Отсюда вытекают два непосредственных задания русскому Черноморскому флоту: во-первых, в самом спешном порядке перевести более или менее значительные военные подкрепления из Крыма на Кавказ и, во-вторых, обезвредить разгуливающие в восточной части Черного моря турецкие военные суда.

Флотоводец в бою

Оба эти дела и осуществил Нахимов.

13 сентября 1853 года в Севастополе было получено экстренное приказание немедленно перевезти из Севастополя в Анакрию пехотную дивизию с артиллерией. На Черном море было очень беспокойно не только вследствие равноденственных сентябрьских бурь, но и вследствие

близкой войны с Турцией и упорных слухов об угрожающей близости французских и английских судов к проливам.

Нахимов взял на себя эту труднейшую операцию. Уже через четыре дня после получения приказа не только все собранные им суда были совершенно готовы к отплытию, но на них уже находились и разместились в полном порядке все назначенные войска: 16 батальонов пехоты с двумя батареями – 16 393 человека, 624 лошади и все необходимые грузы. 17 сентября Нахимов вышел в море, а ровно через семь суток, 24 сентября, пришел утром в Анакрию, и в 5 часов вечера в тот же день он уже закончил высадку всех войск и орудий на берег. Для этой блистательно выполненной операции у Нахимова было в распоряжении лишь 14 парусных кораблей (из них два фрегата), 7 пароходов и 11 транспортных судов. Войска были доставлены в наилучшем состоянии: больных солдат оказалось всего лишь 7 человек, а из матросов эскадры – 4 человека. Моряки-специалисты называют этот переход «баснословно счастливым», исключительным в военно-морской истории и для сравнения указывают, что англичане в свое время перевезли подобное же количество войск более чем на двухстах военных и транспортных судах.

Покончив с одной задачей, Нахимов взялся за другую, еще более опасную и сложную: найти на Черном море турецкую эскадру и сразиться с ней. Но тут он оказался флотоводцем, база которого находится не в его руках, а зависит от человека, вовсе не желающего считаться с критическим положением адмирала, рыщущего по бурному морю в поисках неприятеля.

Князь Меншиков, главнокомандующий Крымской армией и Черноморским флотом, был фактически морским министром, но никогда не был моряком, никогда не управлял кораблем и понятия не имел, даже самого отдаленного, о морских боях. Вот почему, конечно, ему и в голову не могло прийти самому выйти в море и среди октябрьских шквалов искать турок, чтобы с ними сразиться. И что бы он ни писал Корнилову, якобы желая «назначения пункта соединения», никуда он ни для каких «соединений» с Корниловым ехать из Севастополя не собирался. У него был Нахимов, уже крейсировавший около анатолийского берега, и был Корнилов, которого князь и отправил в море 28 октября. По обыкновению (когда дело касалось войны и военных действий), Меншиков предсказал нечто диаметрально противоположное тому, что случилось на самом деле: он писал Горчакову за 16 дней до Синопа, что эскадры Корнилова и Нахимова, «вероятно», никого в море не встретят, кроме нескольких транспортных или паровых судов, да и те укроются в портах.

А на самом деле уже 5 ноября Корнилов встретил и взял с боя турецкий (египетский) пароход «Перваз-Бахри», шедший из Синопа. Затем Корнилов на «Владимире» вернулся в Севастополь, а Новосильскому приказал найти Нахимова и усилить его эскадру двумя кораблями.

Когда Нахимов дал знать о том, что силы турок в Синопе, по дополнительным его наблюдениям, больше, чем он раньше доносил, Меншиков довольно поздно сообразил всю опасность крейсировки Нахимова возле Синопа и послал ему подкрепление. Но сделано это было запоздало. И в результате все-таки ни одного парового судна у Нахимова под Синопом не оказалось, а спешно вышедший с эскадрой, где были три парохода, Корнилов, как увидим, опоздал и подоспел в Синопскую бухту, когда уже сражение окончилось.

С конца октября, все время при очень бурной погоде, Нахимов крейсировал между Сухомом и той частью турецкого (анатолийского) побережья, где главной гаванью является Синоп. Были получены сведения, что на этот раз турки намерены уже не только переправить горцам боеприпасы, но и высадить на кавказском берегу целый десантный отряд. У Нахимова было сначала, после встречи 5 ноября с Новосильским, пять больших кораблей, на каждом из которых имелось по 84 орудия: «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав», «Святослав», «Храбрый» и, кроме того, фрегат «Коварна» и бриг «Эней». Еще 2 (14) ноября вечером приказом по эскадре Нахимов объявил, что имеет в виду сразиться с неприятелем. Этот приказ

живо напоминает, что за двадцать шесть лет, прошедших со времени Наваринской битвы, тактические приемы Нахимова нисколько не изменились и что он по-прежнему считает, так же как и его учитель командир «Азова» при Наварине М. П. Лазарев, наиболее целесообразным, не шадя себя, подходить к неприятелю не на орудийный, а на пистолетный выстрел. Вот как кончался приказ, прочитанный командам вечером 2 ноября:

«Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Но турки не показывались. Нахимов уже 3 ноября знал, что из Севастополя вышел, тоже для поисков турецкого флота, Корнилов с шестью кораблями, 5-го числа Корнилов отделил от своей эскадры Новосильского, который вечером того же 5 ноября встретился с эскадрой Нахимова. Именно Новосильский и отделил от своей эскадры Нахимову «Ростислава» и «Святослава» взамен кораблей, потрепанных бурей и отправленных Нахимовым в Севастополь для починки. 8 ноября разразилась жестокая буря, и Нахимов отправил опять четыре корабля в Севастополь чиниться. Положение было довольно критическое, потому что судов у него оставалось мало, а по морю бродили не очень далеко турецкие эскадры. Очень сильный ветер продолжался и после бури 6-го числа. Нахимов подошел к Синопу 11 ноября и немедленно отрядил из своей эскадры бриг «Эней» с известием, что на Синопском рейде стоит большая турецкая эскадра (семь фрегатов, два парохода, два корвета, один шлюп). Положение Нахимова было в этот момент более чем затруднительным. Но он решил со своими малыми силами все-таки блокировать гавань и ждать скорейшей присылки подкреплений из Севастополя. Он просил у Меншикова немедленной присылки отправленных для починки кораблей «Храброго» и «Святослава», фрегата «Коварна» и парохода «Бессарабия», а также выражал недоумение, почему не присылают ему фрегат «Кулевчи», который больше месяца стоит в Севастополе. Нахимов, которого упрекали, что он слишком привык к парусному флоту и будто бы недооценил значение флота парового, вот что писал того же 11 (23) ноября Меншикову:

«В настоящее время в крейсерстве пароходы необходимы, и без них – как без рук: если есть в Севастополе свободные, то я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство прислать ко мне в отряд по крайней мере два».

Нахимов получил наконец подмогу, и 17 (29) ноября у него было шесть больших кораблей («Мария», «Париж», «Три святителя», «Константин», «Ростислав» и «Чесма») и два фрегата («Кагул» и «Кулевчи»). Эскадра Нахимова в этот момент могла дать с одного борта залп весом в 378 пудов 13 фунтов. Орудий у Нахимова было 716; значит, при стрельбе с одного борта – 358. У турок было семь фрегатов, три корвета, два парохода, два транспорта и один шлюп – в общем, 472 орудия, то есть с одного борта 236 орудий.

Нахимов, как только подошли подкрепления, решил немедленно войти в Синопскую гавань и напасть на турецкий флот.

Генерал Зайончковский в полном согласии с морскими специалистами так оценивает распоряжения адмирала перед Синопом: «В действиях Нахимова обнаружилось то редкое соединение твердой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которое составляет исключительную принадлежность великих военачальников». Нахимов, долго крейсируя перед Синопом, каждый день мог погибнуть, потому что неоднократно оказывалось так, что у него судов было гораздо меньше, чем у турок. И тут больше всего сказались его железная выдержка и уверенность в себе и в команде.

В Синопе стояла эскадра Осман-паши, который уже с 10 (22) ноября знал, что русская эскадра явно сторожит его у самого выхода из Синопского рейда; он знал, что она усилилась, и уже 12 (24) ноября отправил очень тревожное донесение в Константинополь, прося немед-

ленно подкреплений. Решид-паша сейчас же сообщил об этом главному руководителю турецкой политики, британскому послу лорду Стрэтфорду-Рэдклифу. Но это уже было поздно – 17 (29) ноября, то есть за сутки до того, как Нахимов вошел в Синопскую бухту. Даже если бы Константинополь решил оказать помощь, даже если бы Стрэтфорд немедленно приказал английскому адмиралу, стоявшему у Дарданелл, идти в Синоп (чего Стрэтфорд делать не имел права), даже если бы адмирал его послушался, – все равно помощь запоздала бы. Участь турецкого флота решена была в несколько часов.

В сущности, решив напасть на турецкий флот, Нахимов рисковал очень серьезно. Береговые батареи у турок в Синопе были хорошие, орудия на судах также были в исправности. Но уже давно, еще с конца XVI века, турецкий флот, некогда один из самых грозных и дееспособных в мире, не имел в решающие моменты своего существования сколько-нибудь способных адмиралов. Так оказалось и в фатальный для Турции день Синопа. Осман-паша расположил как бы веером свой флот у самой набережной города: набережная шла вогнутой дугой, и линия флота оказалась вогнутой дугой, закрывавшей собой если не все, то многие береговые батареи. Да и расположение судов было, естественно, таково, что они могли встретить Нахимова только одним бортом: другой был обращен не к морю, а к городу Синопу.

На рассвете 18 (30) ноября 1853 года русская эскадра оказалась милях в десяти от Синопского рейда.

В 9 часов утра 18 (30) ноября Нахимов на корабле «Мария» и рядом Новосильский на другом 120-пушечном корабле «Париж», а за ними, в двух колоннах, остальные суда пошли к Синопу. В половине первого часа дня раздался первый залп турецких батарей против эскадры Нахимова, входившей на рейд. Корабль Нахимова шел впереди и ближе всех стал к турецкому флоту и береговым батареям. Нахимов стоял на капитанском мостике «Марии» и смотрел в подзорную трубу на развернувшийся сразу артиллерийский бой. Русская победа определилась уже спустя два часа с небольшим. Турецкая артиллерия осыпала снарядами русскую эскадру, успела причинить некоторым кораблям большие повреждения, но не потопила ни одного. А диспозиция Нахимова была исполнена в точности, и его приказы и наставления о том, как держаться в морском бою, принесли громадную пользу. Корабль «Константин» оказался в опасном положении и был окружен неприятельскими судами. Тогда «Чесма» вдруг вовсе перестала отстреливаться от обращенного против нее огня и направила полностью весь огонь своих орудий против особенно яростно громившего «Константина» турецкого фрегата «Навек-Бахри». Фрегат «Навек-Бахри», поражаемый огнем «Константина» и «Чесмы», взлетел в воздух, при этом так, что груда его обломков и тела экипажа упали на береговую батарею, загромождали ее и этим вывели временно из строя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.